

Апофеоз книги

In: Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 29 N°3-4. Juillet-Décembre 1988. Le christianisme russe entre millénarisme d'hier et soif spirituelle d'aujourd'hui. pp. 293-301.

Résumé

André Siniavski, L'apothéose du livre.

L'ancienne Russie vénérait le livre, parce que le livre était rare et toujours relié au Livre sacré, la Bible. Depuis le Livre des profondeurs (Golubinaia kniga) qui est un message du ciel en forme poétique jusqu'au touchant récit de Družina Osorgin (XVIIe siècle) sur sa mère, sainte Ul'janija, le livre ancien russe est soucieux de précision, de « documentalisme ». Il exclut la fantaisie individuelle parce qu'il est un témoignage. L'auteur, comme le scribe, récitait des prières en début et fin de travail. Chaque mot et même chaque lettre avaient un caractère sacré. Le texte écrit était un temple et, comme le temple, il était un résumé de l'univers.

Abstract

André Siniavski, The apotheosis of the book.

Ancient Russia venerated books because they were rare and their image was always connected to the Sacred Book, the Bible. Since the Book of depth (Golubinaia kniga) which is a heavenly message in poetical form and till the touching story of Družina Osorgin (seventeenth century) on his mother, Saint Ul'ianiia, the ancient Russian book aims at being precise and well-documented. It excludes individual imagination because it constitutes a piece of evidence. The author, as well as the scribe, said prayers at the beginning and the end of the work. Each word and even each letter had a sacred character. The written text was a temple and as such it summarized the universe.

Citer ce document / Cite this document :

Siniavski André. Апофеоз книги. In: Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 29 N°3-4. Juillet-Décembre 1988. Le christianisme russe entre millénarisme d'hier et soif spirituelle d'aujourd'hui. pp. 293-301.

doi : 10.3406/cmr.1988.2148

http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/cmr_0008-0160_1988_num_29_3_2148

АНДРЕЙ СИНЯВСКИЙ

АПОФЕОЗ КНИГИ

Мы привыкли к тому, что книг очень много, книг бесчисленное количество. Мы привыкли, что книги бывают самые разные и что ни одна книга, сколь бы она ни была значительна, не в силах покрыть содержание и ценность всех прочих книг. Книги для нас — как люди : каждая имеет неповторимое лицо, каждая индивидуальна и сосредоточена на себе, на своем стиле, на своей теме, на своей эпохе.

Но для литературного и читательского сознания Древней Руси существенна другая идея — идея непреложной, уникальной, единой книги, которая охватила бы все или все самое главное. Образ такой идеальной Книги, Книги книг, нарисован в фольклорном сказании о « Голубиной книге ». Речь идет о книге боговдохновенной, пророческой, которая, возможно, упала прямо с неба. Она содержит все тайны, все загадки бытия. Вот как эта книга описывается в старинном духовном стихе, в свое время весьма популярном на Руси :

Великая книга Голубиная !
В долину книга сорока локот,
Поперек книга тридцати локот,
В толщину книга тридцати локот...
На руках держать нам книгу — не удержать будет,
Умом нам сей книги не сосметити [не охватить, не осмыслить]
И очами нам книгу не обозрити, —
Великая книга Голубиная !
Писал эту книгу свят Исая пророк,
Читал эту книгу Иван Богослов.
Он читал эту книгу ровно три года,
Прочитал во книге только три листа...

Разумеется, реальная практика книжного дела на Руси далека от масштабов этой мифической Голубиной книги. Но потенциально, в идеале, к ней тяготеет — в поисках универсальной книги, по образу Святого Писания.

Для всякой христианской культуры главная книга это Святое Писание, на которое полнее и больше всего ориентируется средневековая письменная словесность. Однако на Руси значимость Святого Писания для литературного развития еще более велика, поскольку впервые древнерусская письменность и появилась как Святое Писание, как прямой проводник и жизне-

утверждение христианства. Процесс приобщения к христианской вере и процесс обучения грамоте шли рука об руку. Отсюда особая авторитетность, даже святость книги на Руси и невозможность посвящать книгу каким-то второстепенным вещам, скажем, чисто светским, развлекательным целям. Книга у нас — Учитель жизни, притом по самому большому счету, по критерию Святого Писания.

Отсюда же другая черта — достоверность книги, повышавшая ее вес и авторитет. Древнерусская литература не знала вымысла в полном объеме этого слова, а если пользовалась вымыслом, то неосознанно и непреднамеренно и придавала ему видимость правдивого документа. Сама письменность служила гарантией подлинности и фактической достоверности излагаемого материала. В ее задачи входило ограждать и сохранять то, что почиталось за правду, от омывающего моря фантазии. С этим связана, в частности, достаточно четкая граница, лежавшая тогда между литературой и фольклором. « Небылые сказки » и « смехотворные басни » не смели проникать в книгу.

Столь строгая позиция, стесняя авторский произвол, ограничивая воображение, до некоторой степени сближала писателя с добросовестным писцом, переписчиком. И тот и другой выполняли, в общем, сходную работу по созданию и сохранению подлинного документа. Различие состояло в том, что переписчик, ничего не меняя, воспроизводил готовый текст ; оригинальный же автор, ничего не измышляя, пользовался устными каналами, нередко в сочетании с письменными, комментировал факты или же излагал события, которым оказался свидетелем. Поэтому оригинальные произведения безо всякого насилия (и, как мы сказали бы сейчас, — без зазрения совести) порою включают в свой состав прежденаписанные тексты. И этот чужой текст, на правах документа, отлично приживался на новом месте. Поскольку идея индивидуального авторства не играла существенной роли (ведь в принципе, в конечном счете, у книг один Автор — Господь Бог), подобного рода компиляции были в ходу и не возбуждали никаких возражений.

Итак, древнерусская литература это в первую очередь *информационное сообщение* о действительных или якобы действительных лицах и событиях. И это слышится в самих названиях ее господствующих жанров : летописи, жития святых, паломники, воинские повести. Этот, говоря современным языком, « журналистский » подход к материалу (деловая заинтересованность, желание передать все, как есть, или все, как было, отказ от вымысла, документальность в назывании вещей, имен, дат, места событий) сочетался, разумеется с совершенно иными, нежели в наши дни, жизненными интересами. Если попытаться предельно коротко передать, как выглядела древнерусская литература в своих самых определяющих вкусах и устремлениях, то можно придти к следующей формуле : *репортаж о чуде*. Это, несколько странное на наш слух, сочетание (репортаж и чудо) отвечает и религиозным координатам Древней Руси, ее интересу к сверхъестественному, и принятой форме документа о чем-то, действительно, очень важном и подчас необыкновенном.

Приведу пример. 26 мая 1611 г. в Нижнем Новгороде произошло чудо. В видении некоему старцу Григорию была объявлена Божья воля по самым

актуальным тогда на Руси вопросам. А именно, русской земле, переживавшей тяжкое время междоусобицы и междуцарствия, предлагалось принести всенародное покаяние. Затем Господь потребовал в новопостроенном Московском храме поставить незажженную свечу и положить чистую бумагу. Стране обещалось восстановление мира и порядка : в новом пустом храме свеча будет возжжена от небесного огня, колокола зазвонят сами собою, а на чистой бумаге будет написано имя нового царя, которому надлежит царствовать на Руси.

Интересно, что эта повесть, снабженная практическими установками, исходила из Нижнего Новгорода, который сыграл, как известно, видную роль в деле прекращения Смуты и изгнания поляков. Но самое поразительное в этой повести — *оперативность* ее составителя, усмотревшего в чудесном явлении сигнал ко спасению нации. Повесть заканчивается словами : « Спсывали бы с грамоты сей списки и ссылали бы в мир во все страны [стороны] въскоре ». Перед нами информационная сводка, экстренное сообщение, пущенное в ход с расчетом на массовый отклик, на приведение в действие всей России.

В древнерусском повествовании, построенном как документ, первостепенную роль играли ссылки на очевидцев или на собственное свидетельство автора. Благодаря таким ссылкам самый невероятный рассказ о сверхъестественном событии звучал убедительно и принимал контуры фактографического очерка. А поскольку лжесвидетельство было недопустимым, нам остается либо удивляться способности людей того времени видеть и осязать то, во что они верили, либо принимать их сообщения за правду.

Замечательный образец такого рода свидетельской литературы представляет собой « Повесть об Ульянии Осоргиной » XVII века. Она была написана сыном Ульянии — Дружиной Осоргиным, лицом, хорошо знавшим Ульянию. Это очень простой и безыскусный рассказ, наполненный множеством бытовых и психологических подробностей. В частности, Ульяния — святая в миру — превратила свою жизнь в подвиг любви и милосердия. Тогда русской земле пришлось испытать страшный голод. Живя в богатом доме своего мужа, Ульяния вдруг проявила необыкновенную прожорливость. Родители мужа удивлялись, говоря, что когда не было голода, Ульяния столько не ела, как она сейчас. А Ульяния ссылалась на то, что недавно родила, и потому все время хочет есть. На самом деле она тайно подкармливала голодающих. В подлинности всех этих, точно и тонко подмеченных деталей не приходится сомневаться.

Уже при жизни подвиги Ульянии сопровождались чудесами. А после смерти Ульяния в народе прослыла чудотворицей. Ее сын Дружина рассказывает, что через десять лет после ее кончины умер другой ее сын, и на его похоронах обнаружили в сохранности гроб Ульянии, наполненный миррой, которую источали нетленные мощи преподобной. Этой миррой мазались и исцелялись больные. А далее, добавляет Дружина, что, говорят, будто и песок на могиле Ульянии имеет чудесные свойства. Но — « мы же сего не смеяхом писати, яко не бе свидетельства ». То есть, без точного свидетельства, что песок действительно оказался целебным, мы об этом не смеем рассказывать.

Стоит обратить внимание, как осторожен древнерусский автор в передаче факта и как он опасается включать в текст что-то не вполне подтвержден-

ное. Эта осторожность говорит о необыкновенной правдивости и чистосердечии повествователя. Сын боится добавить лишнее в рассказ о чудесах, касающихся жития его собственной матери. Дружина всячески предупреждает читателей, чтобы из-за родственных отношений («матерня ради свойства») не сочли его повесть выдумкой, приукрашивающей действительность. Он клянется, что все, о чем он рассказывает, «видех свима очима и осязах рукама моима», а тем, кто ему не поверит, предлагает лично опросить слуг и соседей, близко знавших Ульянию. Наконец, есть высший свидетель подлинности рассказанного: «Ведает всевидяще око, Владыко Христос Бог наш, что не лгу».

В широком смысле книги и вся культура Древней Руси только тем и занимались, что *свидетельствовали* о правде (или, как иногда говорят, *истинствовали*) в буквальном и иносказательном значении этого слова. Помимо действительно происходящих событий, подлинных лиц и насущных дел, в поле зрения авторов находилась другая — более важная — задача. Она состояла в том, чтобы подкреплять своим частным свидетельством истину Святого Писания, ставшую законом религиозного миропорядка. Притом подкреплять не своими силами, а с помощью Иисуса Христа, который был и остается первым и главным Свидетелем.

Вместительность и солидность древнерусской книги во многом зависят от ее широкой опоры — не только на факты настоящего времени, но также на факты (или символы) отдаленного прошлого и будущего. Повествование о современных событиях подчас начиналось в буквальном смысле от Адама, а заканчивалось Страшным Судом. То есть начиналось с сотворения человека и с его грехопадения, откуда и повелась вся мировая история с ее бедами и несчастьями по вине врага человеческого — дьявола. И это не натяжка, а естественная точка отсчета для средневекового писателя. Текущему моменту находили место в мыслимой системе всего миропорядка и широко вводили этот миропорядок в текст сочинения, посвященного сугубо конкретной сегодняшней проблематике.

Сюжет в произведениях древнерусской литературы сравнительно редко соблюдает строгую локальность. Действие то и дело переносится с «земли» на «небо», из современности в события священной истории. Лица русской истории порой уподобляются библейским персонажам. Изложение местных фактов сопровождается рассуждениями всемирно-исторического или всемирно-нравственного характера. Книга раскрывала бытие в его полном объеме и целокупности. В результате она становилась универсальной и по всей структуре уподоблялась космосу в его пространственном и временном измерении.

Здесь сказывалось также свойственное Средним Векам представление о том, что мир замкнут, конечен, имеет строгие пределы во времени и пространстве. При всей неисповедимости путей Господних, земной шар допускал возможность дать исчерпывающий ответ на все вопросы и уложить мироздание в рамки одной книги. Рассказ о Борисе Годунове или о Самозванце, допустим, мог открываться Адамом и завершаться предзнаменательной картиной конца света. Ибо и то и другое не так уж далеко отстояли от сегодняшнего дня. Сотворение мира произошло всего лишь за 5508 лет до Рождества Христова, а конец света ожидался в недалеком будущем.

Уже внешним видом, убранством, размером, объемом, весом книга заявляла о своей полноте и престижном положении в обществе. Все это отвечало ее содержанию, жанру и самому понятию — *книга*. Но и обычные для своего времени книги стоили дорого. Сошлюсь на пророка Аввакума, который продал книгу Ефрема Сирина и на эти деньги купил лошадь (за что потом и поплатился от нечистой силы).

Такая книга и по-другому читалась по сравнению с тем, как мы читаем. Процесс чтения совершался медленно и торжественно, чаще всего вслух, для назидания окружающих, среди которых грамотных было не так уж много. Чтение книги приближалось к священнодействию, тем более что и в самой книге чаще всего речь шла о вещах божественных. Прежде чем раскрыть книгу, читающий мыл руки и молился Богу. И произносимые им слова звучали особенно веско и непререкаемо.

Когда мы сейчас рассматриваем старинные рукописные книги, нас поражает не только искусство их написания, но, я бы сказал, искусство их прочтения. Мы встретим, например, кое-где на полях, против особенно важных, ответственных или понравившихся читателю мест, нарисованную руку с указующим перстом и повелительной надписью: «*зри*». В некоторых книгах мы обнаружим множество аккуратных, из разноцветных тряпочек, закладок, приклеенных к отдельным листам, чтобы было легче и быстрее найти необходимую страницу. Значит, эту книгу не только читали, но по многу раз перечитывали, с нею жили, с нею советовались. Она была членом семьи, верной спутницей человека и священным предметом в доме, в церкви, в монастыре. Когда, пройдя через множество рук и владельцев, книга ветшала, истрепанные листы тщательно подклеивали, а истлевшие переписывали. Или для книги заказывали более прочный переплет. И мастер-переплетчик, облачивший ее в новую великолепную кожу с медными застежками, иной раз ставил в конце собственную подпись. Не для рекламы, а в знак гордости и благоговения, что ему посчастливилось переплести *такую* книгу.

Обучение грамоте на Руси достигалось подчас с великим трудом и терпением и сопровождалось многодневными, а иногда и многомесячными слезами, вплоть до опасности ослепнуть в ходе напряженного чтения. Это касается не каких-то невежд и тупиц (как раз обычным людям грамота давалась легче), а лиц, самых приверженных к чтению, и даже святителей, столпов русской культуры, превзошедших в дальнейшем всех остальных в книжном деле. См., например, жизнеописание Ивана Неронова, раннего сподвижника пророка Аввакума, или житие самого великого на Руси святого — Сергия Радонежского. Словно сам Господь Бог ставил им временные препятствия в обучении грамоте, с тем чтобы за усилия — воздать сторицей. Дело не в инерции русского ума. Дело в том, что искусство по-настоящему читать, в древнерусском понимании, это великая премудрость, требующая огромных затрат, а, по большому счету, это — чудо, которое возможно лишь при Божьем участии, открывающем глаза и разум человека на чтение, на книгу.

Но если само чтение, сама грамотность сопровождалась такими условиями, то можно представить, чем было на самом деле искусство письма — искусство сочинения и переписывания книг! Переписчики и писатели исчислялись единицами. И приступая к своему делу, они долго готовились и мо-

лились Богу особенно усердно. На Руси существовала специальная молитва писца, который берется за свою работу со страхом и с пониманием, что сам по себе он ничего не значит. Садясь за труд, он обращался к Богу :

« Прииди на помощь мне и просвети сердце мое на разумение заповедей твоих и отверзи уста мои на исповедание чудес Твоих и на похваление угодника Твоего ».

А закончив работу, он возглашал, наподобие пушкинского Пророка :

« ... Твоя милостивая десница воздвиже мя в нечаянии лежащего, и отъя бремя смертной тяготы с хребта души моей, и толкнул еси в ребро спящего ума моего, и рекл еси ленивому : восстани и бодрствуй. Повелел еси умершему глаголати и даровал еси слепому ясно свет славы твоей оглядати. Отложил еси ветхость ума моего и обновил яко орла во юность, и рекл еси : восстани и лети от трупа смрадного, и не объядайся мертвечины прелестной сладости века сего, ибо на высоту подобает ти летети. И глас твой сладкий побуди мя, и десница твоя простре крыле ума моего и воздвиже мя со дерзновением на высоту летети, и просвети зенице разумных очес ума моего, и даровал еси невозбранно зрети свет чудного видения в таинственных позорех [картинах] и в чудных сокровищах славы Твоея... »

И все это произносил человек, уже умеющий прекрасно писать и все же не надеявшийся на собственные способности.

В древнерусских рукописных книгах мы встречаем массу очень интересных и, с нашей точки зрения, даже забавных надписей тех, кто переписывал эти книги и, после долгих стараний, подходил уже к концу своего труда. Вот примеры этих надписей писцов, которые заканчивали переписывать книгу (в переложении на более современный язык) :

« Так же, как радуется жених о невесте, так радуется писец, видя последний лист ».

Или :

« Как радуется купец, продав товар с прибылью, и как радуется корабельщик, приплыв в тихую пристань, и как радуется странник, пришедший в свое отечество, так же радуется писатель, дойдя до конца книги ».

Или :

« И как рад заяц, избежавший тенет, а птица, улетевшая из клетки, так же рад писец, списав сию книгу ».

Что же это за опасности и капканы, расставленные на пути писца и писателя ? Это, в первую очередь, наши человеческие грехи и козни дьявола,

мешающие работе. Это, наконец, наша неискушенность в великом деле книжного писания, которое всегда ищет Божьей помощи и на нее надеется.

Помимо скрупулезной точности в передаче текста, особое значение имел почерк. Книги переписывались почерком, лишенным индивидуальных примет и отвечающим единому, господствующему стилю эпохи. В России был принят почерк, называвшийся « уставом » или « полууставом ». Уже сами эти названия говорят, что начертания букв и слов подчинялись общему образу жизни, регламентированному церковным уставом. И вся культура Древней Руси — от возведения колоссальных храмов до написания единой буквы — руководствовалась этим « уставом ». Способ письма (или почерк) был графическим изображением духа времени. Отсюда глубокая связь между стилем письма и архитектурным стилем древнерусских церквей и соборов.

Мы знаем, что все искусство и само мышление в Средние Века были символичными. И столь же символичными были буквы и способ их написания. В буквах видели не условные значки, а многозначительные символы бытия. Поэтому грамматика в старые времена почиталась не просто учебником грамоты и орфографии, но — наукой наук. Учение о буквах и о словах сливалось с учением о мироустройстве. Грамматика граничила с космографией, то есть с наукой о построении вселенной. Граничила также с устройством человеческого быта и с самим понятием о человеке.

В виде иллюстрации я сошлюсь на одно рассуждение в старых грамматиках по поводу так называемых надсрочных знаков. Таких знаков было великое множество, и мы не будем вдаваться в значение каждого знака, а лишь отметим общий, символический смысл этих значков, которыми отдельные слова и буквы покрывались, а другие нет. Слова высокие, обозначающие священные понятия, полагалось писать « покрыто », т.е. ставить над ними особые знаки, которые назывались — « титлы ». Сами же слова, под титлом, воспроизводились сокращенно. Скажем, слово « ангелы » (в значении небесных, святых ангелов) писалось под титлом, в отличие от падших ангелов, которые восстали на Бога и превратились в бесов. Под титлами писались слова « Господь », « Бог », « святой » и т.д. Таким образом, само начертание слова отделяло высокое от низкого, добро от зла. Нарушить эти правила означало, как говорили в старину, « смешать несмешное », и это считалось большим грехом. « Горе творящему Божье дело с небрежением ».

Что такое « смешать несмешное », понятно даже нам, современным людям. Ведь самое страшное зло — не зло в чистом виде, а зло, которое выдает себя за добро или смешивается с добром. Страшна не ложь сама по себе, а ложь, выдающая себя за правду. Страшен антихрист, выдающий себя за Христа. Отсюда — необходимость титлов.

Изображение святого на иконе, в отличие от обыкновенных людей, увенчивалось нимбом или сиянием. А в начертании самого слова « святой », согласно правилам древнерусского правописания, следовало делать « покрытие » : писать « стый » с титлом. Этот знак приравнивался к нимбу, к венцу святого. В итоге само слово в своем графическом виде несколько напоминало иконописный образ.

Гласные буквы в старину приравнивались к женщинам. Согласные буквы — к мужчинам. В сочетании с согласными (то есть в словах) гласные оста-

вались без покрытия. А когда гласная буква стояла отдельно, особняком — допустим, в виде союзов « а » или « и », — ее сверху покрывали особым знаком. На этот счет в грамматике существовало разъяснение. Когда женщина выходит на улицу, она непременно прикрывает голову. И, соответственно, отдельно стоящая гласная получает покров. Но когда женщина находится в доме, рядом с мужем, ей разрешается ходить без покрытия. И оттого рядом с согласными буквами гласные не покрываются надстрочным знаком. Поставить же надстрочный знак над согласной буквой — все равно, что надеть женский головной убор на мужчину, то есть его обезобразить.

Другой аспект буквенного символизма: согласные звуки приравнивались к телу человека, а гласные — к его душе. Лишь в единстве души и тела человек живет на земле. И точно таким же образом возникает и существует слово. Соединение букв в одно слово называлось — « оживлением ». В результате сам процесс словообразования в ходе письма или чтения уподоблялся оживанию или воскресению людей и вещей. В этом смысле написать или прочесть слово означало воскресить стоявший за ним предмет.

Следует прибавить, что слово в старину и в устном произнесении, и в письменном начертательном виде воспринималось куда более образно, предметно, материально, вещественно, нежели в наши дни. Слово могло влиять на естественный порядок вещей. Об этом свидетельствуют так называемые « пытошные записи ». Это записи судебных процессов и допросов, которые производились под пытку, — и, в частности, по поводу слова, сказанного или написанного. Эти речи не надо путать с нынешним значением « агитации и пропаганды »: выпытанным словам придавался колдовской, магический смысл. И вот одна из « пытошных записей » рассказывает, что у одного человека обнаружили в рубашке зашитое письмо. Там сказано, что если кто-то с этим письмом совершит какое-либо преступление и попадет, то его все равно оправдают и признают невиновным. А если тот человек умрет, то сколь бы ни были тяжелы его грехи, он попадет в рай. Короче говоря, письменное заклятие спасало носителя записи от всех судов, в том числе от Божьего суда.

Отсюда видно, какой силой когда-то обладало произнесенное, а тем более написанное, — слово. Понятно, почему оно стремилось перерасти в орнамент. Книжный орнамент в Средние Века это не просто украшение, окружающее извне, со стороны, словесный текст, но прямое продолжение слова и почерка. Сама буква способна обратиться в росток, готовый дать побеги в сторону изобразительного искусства. В итоге книга превращается в синтез нескольких эстетических видов: поэтического, живописного, каллиграфического, переплетного и даже иногда ювелирного искусства.

Начало книги очень часто графически напоминает вход, крыльцо, подъезд, ведущие к пышному дворцу или храму. Орнаментальные заставки, с которых обычно открываются старинные рукописные книги, несут не просто декоративный, а, можно заметить, архитектурный смысл. Потому-то они так часто похожи на ворота, на богато изукрашенные двери. Ибо книга в целом это храм в миниатюре. А храм в древнем христианском понимании это модель вселенной...

В подтверждение этой идеи вспоминаются названия некоторых старинных книг: *Альфа и Омега*, *О всей твари...* И многие, многие другие... Наи-

более простое и точное обозначение книги высказано в русском переводе *Христианской топографии* Козьмы Индикоплова. Это сочинение византийского автора служило в Древней Руси своего рода энциклопедией и называлось – *Книга о Христе объемлюща весь мир*.

Université de Paris IV, 1988.